

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-2-7

УДК 37.015.4, 37.017.4

Оригинальная научная статья

Социальный капитал как фактор развития гражданской активности учащейся молодежи

М. В. Жарова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: garova-m@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В современных условиях становления гражданского общества и правового государства внимание общественности приковано к современной молодежи, от гражданской активности которой во многом зависит, насколько будут реализованы поставленные перед обществом и государством задачи. *Постановка задачи.* Будущее России определяется ценностными ориентирами, которые складываются сегодня в сообществах тинейджеров и студентов. В связи с этим представляется актуальной задача формирования концептуальных представлений о процессах становления гражданской активности молодежи. Целью представленного исследования является анализ социального капитала личности как фактора влияния на гражданскую активность молодежи, обучающейся как в школе, так и в вузе, в том числе являющейся представителями Российского движения школьников. *Методика и методология исследования.* В работе проводится теоретический системно-содержательный анализ таких переменных, формирующих социальный капитал, как ценностные установки молодежи, уровень доверия различным агентам влияния и сила связи с ними. *Результаты.* Проведенный корреляционный анализ подтвердил предположение о существовании взаимосвязи между указанными переменными и объектом исследования. Показано, что современная молодежь сосредоточена на решении собственных проблем, сконцентрирована на «ближнем круге», не склонна доверять людям в целом, испытывает дефицит солидаристических ценностей, концентрируясь на индивидуалистических интересах, что препятствует проявлению их гражданской активности. Исключение составляют представители Российского движения школьников, обладающие повышенным уровнем доверия государству, патриотическими идеалами и готовностью к взаимодействию с общественными организациями, они склонны к проявлению гражданской ответственности и социальной активности. *Выводы.* Необходимо создавать механизмы включения молодежи в различные сообщества по решению общественно-значимых вопросов, усиливать солидаристские ценности, а также формировать единую систему ценностей в молодежной среде, в которой значимое место занимали бы не только общечеловеческие ценности, но и патриотизм.

Ключевые слова: социальный капитал, гражданская активность молодежи, доверие, ценности, направления связей, РДШ (российское движение школьников)

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33033.

Для цитирования: Жарова М. В. Социальный капитал как фактор развития гражданской активности учащейся молодежи // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, №2. С. 240–252. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-2-7>

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-2-7

Full Article

Social capital as a factor in the development of civic engagement of students

Zharova, M. V.

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint-Petersburg, Russian Federation

e-mail: garova-m@mail.ru

Abstract. Introduction. In modern conditions of becoming of a civil society and the constitutional state the public attention is concentrated on modern youth whose civic activity affects how the tasks set for society and the state will be implemented. *Purpose setting.* The future of Russia is largely determined by the values that are emerging today in the communities of schoolchildren and students. In this regard, the objective of forming conceptual representations about the processes of formation of civic engagement of young people becomes to be relevant. The purpose of this study is to analyze the social capital of the individual as a factor influencing the civic activity of young people studying both at school and at university, including those who are representatives of the Russian movement of schoolchildren. *Methodology and methods of the study.* The paper provides a theoretical systematic and meaningful analysis of such variables that form social capital as the value attitudes of young people, the level of trust in various agents of influence and the strength of communication with them. *Results.* The conducted correlation analysis confirmed the hypothesis that exists a relationship between these variables and the object of study. It is shown that modern youth is largely focused on solving their own problems, focused on the "inner circle", is not inclined to trust people in general, lacks solidarity values, concentrating on individualistic interests, and this significantly hinders their inclusion in the manifestation of civic activity. The exception is the representatives of the Russian movement of schoolchildren, who have a high level of trust in the state, patriotic ideals and willingness to interact with public organizations, they are prone to civic responsibility and social activity. *Conclusion.* It is necessary to create mechanisms for the inclusion of young people in various communities to solve socially significant issues, to strengthen the values of solidarity, as well as to form a unified value system in the youth environment, in which not only universal values, but also patriotism would occupy a significant place.

Keywords: social capital, civic engagement of youth, trust, values, directions of connections, Russian Movement of Schoolchildren

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of RFBR 21-011-33 033

Citation: Zharova, M. V. [Social capital as a factor in the development of civic engagement of students]. *Professional education in the modern world*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 240–252. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-2-7>

Введение. В современных условиях становления гражданского общества и правового государства внимание общественности приковано к современной молодежи, от гражданской активности которой во многом зависит, насколько будут реализованы поставленные перед обществом и государством задачи. Подростающее поколение может стать основой инновационного развития России, но только при условии его активного позитивного участия в судьбе государства, направленного на реализацию социально значимых проектов, на совершение дел, затрагивающих жизненно важные для общества интересы и потребности. В связи с этим представляется актуальной задача формирования концептуальных представлений о процессах становления гражданской активности молодежи.

Под гражданской активностью мы будем понимать такую форму социальной активности, которая выражается в равнодушии молодого человека к проблемам общества, способности и желании проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, но самое главное – в осознании личной ответственности за благополучие государства. Важно создать условия, способствующие воспитанию и формированию подобного отношения личности к социуму. На наш взгляд, одним из значимых факторов для этого является качество социального капитала сообществ,

в которых происходит становление гражданина страны, к ним относятся школьные коллективы, семья, общественные объединения.

Социальный капитал является сложным многоаспектным понятием, синтезирующим в себе предметные области различных дисциплин: экономики, социологии, философии, этики, психологии, педагогики, статистики, политологии, права и других [1, с. 381; 2, с. 230; 3, с. 467]. Представляется важным проведение междисциплинарных исследований в этой области, направленных на выявление и обоснование механизмов влияния социального капитала сообществ на становление гражданского общества. Предлагаемое исследование, которое было проведено в рамках проекта РФФИ 21-011-33 033, призвано проверить гипотезу о прямой зависимости гражданской активности молодых людей от качества их социального капитала, интернирующегося из качества социальных капиталов сообществ, к которым причастен человек.

Постановка задачи. Феномен социального капитала, появившийся в середине прошлого века, на сегодняшний момент является достаточно исследованным. Основой социального капитала являются люди как обладатели ряда ресурсов, состоящих в свою очередь из собственного потенциала личностей (экономического, политического, культурного и т. д.) и сети связей, в которые они включены [4, с. 33; 5, с. 175]. Следует отметить, что социальные связи тогда становятся ча-

стью социального капитала, когда они помогают личности или обществу достичь желаемой цели [6, с. 68–87; 7, с. 2–3; 8, с. 243]. Социальный капитал общества складывается из социальных капиталов его участников [9, с. 30; 10, с. 326].

Рассматривая сеть связей между людьми, можно выделить два их типа: «сильные» (bonding), которые возникают в семье и между близкими друзьями, и «слабые» (bridging) – между знакомыми, представителями сообществ [11, с. 28; 12, с. 22]. Слабые связи («мосты») объединяют представителей из разных социальных кругов и дают возможность транслировать ресурсы, аккумулированные в узком кругу за счет «сильных» связей, в частности ресурсы личного капитала могут стать общественными и быть реализованными в различных формах гражданской активности.

Ф. Фукуяма подчеркивал, что социальный капитал сообщества возникает как результат наличия доверия между его членами [13, с. 28; 14, с. 53]. Оно обеспечивает усиление связанности и сплоченности между его представителями, способствует формированию у них чувств самосознания и приверженности [15, с. 6; 16, с. 67].

Таким образом, социальный капитал можно рассматривать как «осознанное превращение социальных сетей в ресурс достижения цели как отдельной личностью, так и обществом в целом» [17, с. 33]. В рамках нашего исследования гражданская активизация молодежи выступает в качестве выгоды, которую может получить общество,

мобилизуя личностный и групповой социальный капитал своих агентов.

Цель исследования – анализ социального капитала личности как фактора влияния на гражданскую активность учащейся молодежи. Идею о том, что «гражданское участие является экстерналией социального капитала» высказывал ряд авторов (см., напр.: [18, с. 37–54; 19, с. 117–124]), но при этом никто не проводил оценку этого феномена для разных групп учащейся молодежи. Исследование направлено на выявление корреляционных связей между параметрами социального капитала (доверием, силой и количеством связей, приверженностью социальным нормам) молодых людей, обучающихся как в школе, так и в вузе, в том числе являющихся представителями Российского движения школьников (РДШ), с параметрами, характеризующими их гражданскую активность. Частной задачей стало выявление потенциала конвертации социального капитала личности и сообществ в процессы становления гражданского общества.

Методика и методология исследования. Исследование влияния социального капитала на гражданскую активность молодежи проводилось с помощью опроса по специально разработанной анкете, включающей несколько блоков. Первые три из них были направлены на оценку сформированности трех базовых компонент социального капитала (рис. 1): уровня доверия, характеристик связей, ценностных представлений.

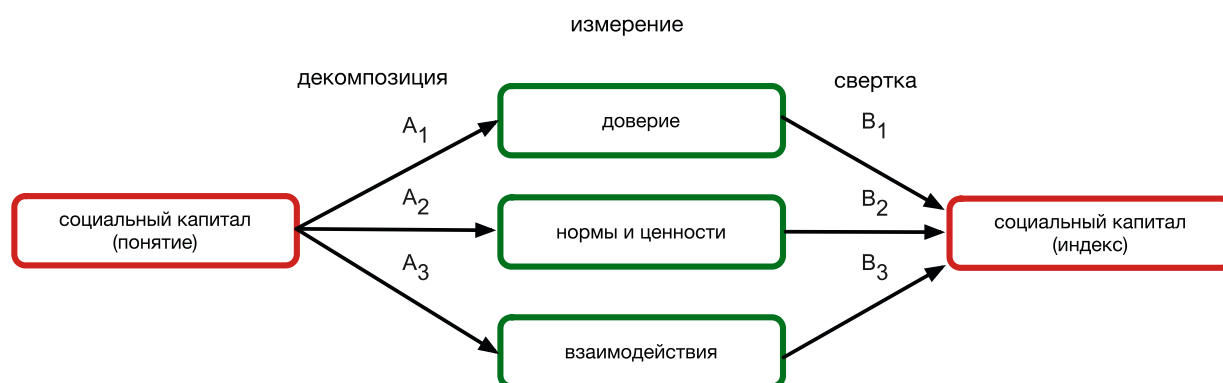

Рис. 1. Модель социального капитала
Fig. 1. Social capital model

Еще один блок посвящен оценке уровня гражданской активности.

Анкетирование было проведено среди трех групп представителей молодежи и подрастающего поколения. Первая группа – школьники общеобразовательных школ города Санкт-Петербурга 8–11 классов (всего в анкетировании приняли участие 304 человека из шести образовательных

организаций (ОО)); вторая группа – школьники, являющиеся представителями РДШ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (в анкетировании приняли участие 197 человек); третья группа – студенты вузов России (в анкетировании приняли участие 607 человек из 12 вузов страны).

Идея выбора таких групп респондентов связана с необходимостью определить, существуют ли

значимые изменения в сфере гражданской активности при взрослении и переходе из школьного возраста в студенческий. Исследование среди представителей РДШ позволяло сравнить, насколько отличаются по своему мироощущению и активности школьники, не имеющие принадлежности к какой-либо общественной организации, от непосредственных участников РДШ, которые предположительно обладают повышенной гражданской активностью.

Результаты. *Оценка уровня доверия.* Интересны результаты ответов респондентов, посвященных оценке их степени доверия семье, друзьям, школе, государству. Респондентам было предложено оценить, насколько они доверяют в образовательном учреждении своему классному руководителю или куратору, одноклассникам/одногоруппникам, а со стороны государства – президенту, правоохранительным органам и правительству.

В этом ряде вопросов были выделены общие закономерности в распределении голосов респондентов. Так, у всех наблюдается одинаковый профиль ответов при оценке доверия предлагаемыми субъектами. Наибольшую степень доверия респонденты испытывают по отношению к семье (47,7% школьников «всегда» доверяют семье; представители РДШ – 44,7%, студенты – 47,7%), во вторую очередь близким друзьям (школьники «всегда» доверяют – 61,6%, представители РДШ – 55,8%, студенты – 62,6%). С позиции доверия образовательной организации голоса респондентов также распределяются одинаковым образом: на первом месте по степени доверия располагается классный руководитель или куратор группы, на втором непосредственно ОО и лишь третью позицию занимают одноклассники/одногоруппники. В государственной сфере большую степень доверия молодежь испытывает к президенту, во вторую очередь – правоохранительным органам, а потом уже правительству.

Среди всех групп респондентов максимальный уровень доверия к семье проявляют студенты. При этом представители РДШ доверяют семье и друзьям меньше всего, тогда как среди студентов и школьников доли «всегда» доверяющих друзьям практически одинаковые. Доверие к образовательной организации и ее субъектам, таким как классный руководитель/куратор или одноклассники, разные группы респондентов проявляют по-разному. В целом уровень доверия ОО в сравнении с доверием семье и друзьям существенно ниже у всех групп респондентов. Однако школьники склонны больше доверять классному руководителю («всегда» доверяют 33,9%), чем студенты куратору группы («всегда» доверяют – 32%), при этом студенты больше доверяют образовательной организации («всегда» доверя-

ют вузу 25,75%) и однокурсникам (14,5%), тогда как среди школьников «всегда» доверяют школе только 16,8%, а одноклассникам – 9,5%. Представители РДШ доверяют школе так же, как и обычные школьники (16,8%), при этом они в меньшей степени склонны доверять классному руководителю – 27,9%, зато уровень доверия одноклассникам выше – 10,2%. Если посмотреть в совокупности ответы «всегда» и «часто», то для всех групп респондентов они достигают 80% только при оценке доверия семье и друзьям, когда вопросы касаются ОО и классного руководителя (куратора), процент ответов колеблется в диапазоне от 60% (студенты) до 40% (школьники).

Уровень доверия по отношению к государству у студентов ниже («всегда» доверяют президенту 17,8%, правоохранительным органам – 14,5%, правительству – 13,2%), чем у школьников («всегда» доверяют президенту 26,3%, правоохранительным органам – 15,1%, правительству – 13,5%). При этом сумма ответов «всегда» и «часто» как для студентов, так и для школьников ниже 50%. Исключение составляют представители РДШ, которые доверяют государству больше всех («всегда» доверяют президенту 29,4%, правоохранительным органам – 17,35%, правительству – 15,2%; «часто» доверяют президенту 22,8%, правоохранительным органам – 31%, правительству – 21,8%), а совокупный процент доверия президенту выше 50%.

В целом уровень доверия респондентов к окружающим людям нельзя назвать высоким. Склонны доверять большинству людей только около 20% респондентов в каждой группе. Сложно выделить ту группу респондентов, которая больше остальных доверяет окружающим. Так, среди школьников доверяют людям только 24,7%, что только на 0,5% больше, чем процент доверяющих людям студентов (24,2%). При этом среди школьников наблюдается самая большая доля ответивших, что редко доверяют окружающим (31,3%), что на 7,9% больше аналогичных ответов студентов.

Интересно отметить, что среди представителей РДШ наименьший процент ответов – «всегда» или «часто доверяю большинству людей». Именно среди них наблюдается самая большая группа сомневающих в определении уровня своего доверия, а процент недоверяющих окружающим среди представителей РДШ сопоставим с процентом недоверяющих среди студентов.

Таким образом, можно утверждать, что уровень доверия респондентов к ближнему кругу, куда входит семья и друзья, значительно выше, чем к образовательным организациям или государству. В целом по отношению к обществу высокий уровень доверия проявляет только 1/5 от всего числа респондентов.

Оценка радиуса круга связей. Для оценки радиуса круга связей, возникающих вокруг респондентов было предложено ответить на вопросы:

- если Вам потребуется помощь, и Вы обратитесь к своим друзьям и знакомым, сколько человек откликнуться и помогут?
- как много друзей и знакомых обращаются к Вам за помощью?

Анализ результатов показывает, что профили

ответов для всех групп респондентов практически одинаковые. Разброс ответов школьников, представителей РДШ и студентов по всем предложенным позициям не превышает 4–5%, что позволяет утверждать, что между этими группами участников исследования нет существенных отличий в размере и плотности связей с окружающими их агентами (рис. 2–4). Для основной массы (60–70%) респондентов (в каждой из групп) радиус общения колеблется от 3 до 6 человек.

Рис. 2. Данные ответов школьников о радиусе круга связей
Fig. 2. Data of schoolchildren's responses about the radius of the circle of connections

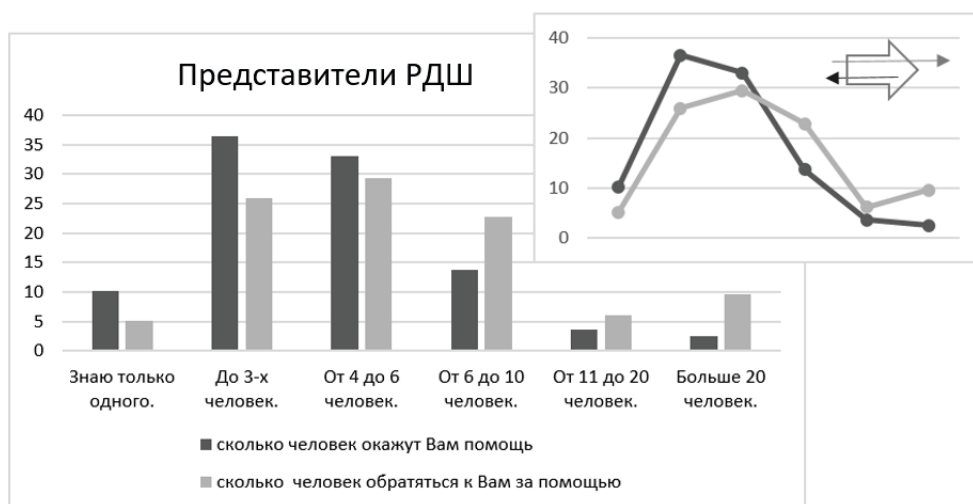

Рис. 3. Данные ответов представителей РДШ о радиусе круга связей
Fig. 3. Data from the responses of the representatives of the RMS about the radius of the circle of connections

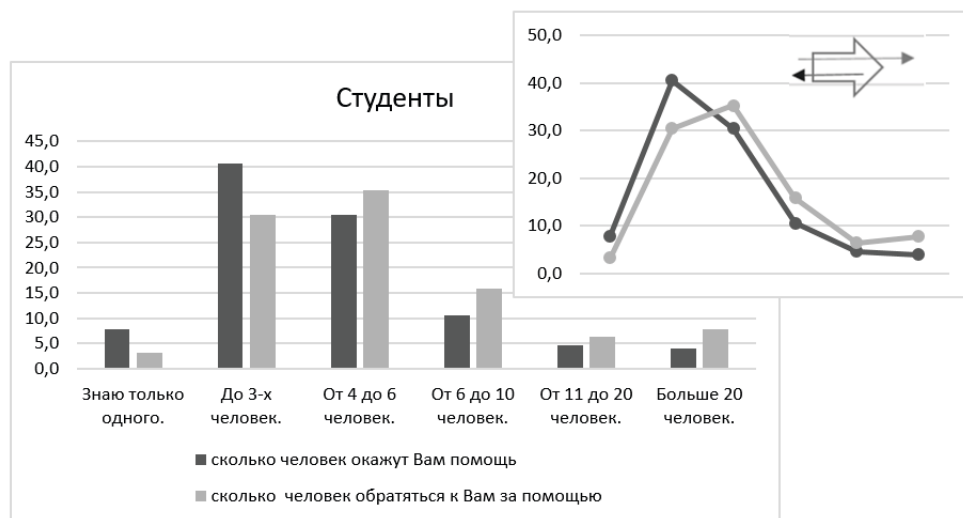

Рис. 4. Данные ответов студентов о радиусе круга связей
Fig. 4. Data from students' responses about the radius of the circle of connections

При этом выявляется смещение профиля ответов, характеризующих готовность оказывать помощь студентами и представителями РДШ, в сторону увеличения количества агентов, которые могут обратиться к ним за помощью. Таким образом, можно сказать, что круг людей, которым

представители РДШ и студенты готовы оказать помощь, больше, чем круг тех, кто им готов оказать помощь (рис. 5). То есть их вектор личностной направленности смещен в сторону внешней среды, а круг внешних контактов обладает более длинным радиусом от 4 до 10 человек.

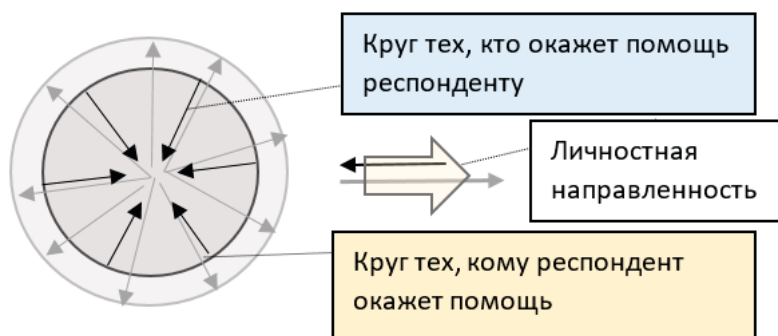

Рис. 5. Соотношение кругов связей респондентов
Fig. 5. The ratio of circles of connections of respondents

Скорее всего, в круг тех, кто готов оказать помощь респондентам, входят друзья и представители семьи. Такой вывод можно сделать исходя из ответов на вопросы о тех, к кому респонденты обращаются за помощью. 60–70% представителей всех групп респондентов обращаются за помощью к друзьям и семье. При этом студенты в равной степени обращаются за помощью и к тем и другим. Школьники в меньшей степени обращаются к друзьям и родным в отличие от студентов. Однако представители РДШ заметно чаще обращаются за помощью к друзьям и в меньшей степени к семье (друзьям – 71,6%, семье – 59,4%)

в отличие от других респондентов. Это предположение подтверждают и данные о степени доверия респондентов как семье, так и друзьям (процент доверия к ним максимален по сравнению со степенью доверия к другим акторам).

Оценка ценностных ориентиров респондентов. Респондентам было предложено оценить, насколько для них важны такие ценности, как семья, друзья, учеба, Родина и др.

У школьников и студентов рейтинг этих ценностей одинаков, при этом приоритеты представителей РДШ несколько отличаются и выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг ценностных позиций для трех групп респондентов
Table 1. Rating of value positions for three groups of respondents

Группы респондентов (% ответивших «очень важно»)					
Студенты		Школьники		Представители РДШ	
1. Семья	79,9	1. Семья	75	1. Семья	76,1
2. Свободное время	63,6	2. Свободное время	64,8	2. Друзья	53,8
3. Друзья	58,5	3. Друзья	59,5	3. Работа	48,7
4. Работа	42,3	4. Работа	41,1	4. Свободное время	46,7
5. Учеба	33,1	5. Учеба	33,6	5. Быть полезным для других	46,2
6. Быть полезным для других	37,7	6. Быть полезным для других	30,9	6. Учеба	45,7
7. Любовь к Родине	24,2	7. Любовь к Родине	18,4	7. Любовь к Родине	31,5
8. Религия	14	8. Религия	7,6	8. Религия	10,2
9. Политика	8,2	9. Политика	5,9	9. Политика	7,1

Все ценностные позиции можно разделить на четыре категории. Абсолютное первенство среди всех занимает «семья» с более чем 70% голосов от всех респондентов в сторону максимальной важности этого компонента. Вторая категория – это позиции, имеющие от 50 до 70% голосов о их важности. В нее вошли «свободное время» и «друзья» у студентов и школьников. У представителей РДШ ко второй категории относятся «друзья» и «работа», что говорит о большей степени ответственности этих респондентов и их готовности думать о деле и близких, чем тратить свое время на себя, чего нельзя сказать о студентах и обычных школьников.

Третья категория ценностных элементов получила от 30 до 50% голосов о высокой их важности, при этом, если учитывать позиции «скорее важно», за важность позиций этой категории в целом голосует более 50% респондентов всех групп. У студентов и школьников в эту категорию вошли «работа», «учеба», «быть полезным для других», у представителей РДШ – «свободное время», «быть полезным для других», «учеба».

К четвертой категории отнесены ценности, важность которых была отмечена менее чем 30% респондентами. Во всех группах респондентов в эту категорию попали «любовь к Родине», «религия», «политика». Но даже с учетом ответов «скорее важно» практически все они не набирали

более 50% голосов во всех группах респондентов. Исключение составила позиция «любовь к Родине», за которую с учетом ответов «скорее важно» проголосовало 51,7% студентов и 58,9% представителей РДШ, при этом ответ «очень важно» среди последних выбрало более 30%, что на 7,3% больше, чем голосов студентов, и на 13,1% больше голосов школьников. Это показывает, что представители РДШ в большей степени, чем все остальные, проявляют патриотизм и готовы что-либо делать для своей Родины и это в полной мере отвечает деятельности самого РДШ.

Таким образом, лидирующие позиции среди ценностных установок всех респондентов занимают семья, друзья и возможность иметь свободное время для решения личных вопросов. Менее важными оказываются работа, учеба и мероприятия, в которых респондент может почувствовать свою значимость для общества. С сожалением можно констатировать, что патриотические ценности не занимают значимого места среди ценностных установок респондентов.

Оценка гражданской активности. Представители РДШ подтвердили, что во всех формах гражданской активности участвуют в основном в рамках проектов РДШ. Остальные респонденты (школьники и студенты) отмечают, что чаще всего не участвуют ни в каких формах гражданской активности (школьники – 23,5%, студенты –

24,5%), а если участвуют, то делают это по собственной инициативе (школьники – 19,3%, студенты – 28,1%) или вместе с друзьями (школьники – 16,9%, студенты – 18,2%). На третьем месте среди тех, с кем вместе школьники участвуют в формах гражданской активности, являются классные руководители (15,3%), для студентов это студенческие объединения (16,7%). Следует отметить, что только 8% школьников ответили, что участвуют в различных формах гражданской активности по инициативе РДШ, что говорит о крайне малой доле их вовлечения в деятельность движения. Из всех «агентов влияния» родители и учителя делят последнее место в рейтинге школьников и представителей РДШ.

При этом 9,5% школьников участвуют в различных формах активности с родителями, а с учителями это делают 7,6%, тогда как представители РДШ в этой деятельности чаще взаимодействуют с учителями (7,1%), чем с родителями (5,1%). По ответам студентов можно судить, что кураторы групп вовлечены в подобную деятельность еще реже, чем простые преподаватели, но те и другие это делают крайне редко (с кураторами участвуют 2,4% студентов, с преподавателями – 2,8%) (рис. 6).

Рис. 6. Данные о формах гражданской активности, в которых принимают участие респонденты
Fig. 6. Data on forms of civic engagement in which respondents take part

Респондентам было предложено самостоятельно оценить их уровень гражданской активности по пятибалльной шкале: от 1 – «не проявляю и не желаю участвовать» до 5 – «готов и уже активно участвую». Профили ответов респондентов различных групп оказались разными. Наименьший уровень гражданской активности по собственным оценкам имеют школьники. Основная масса их голосов распределяется от 1 до 3 балла (1 балл – 26%, 2 балла – 23%, 3 балла – 29,9%, что в сумме составляет почти 70%). «Испытывают желание и стараются проявлять гражданскую активность» 17,4%, а «уже активно участвуют в жизни общества» только 3,6%. Ответы студентов практически также распределяются по шкале, за исключением того, что у них

чуть меньшее количество ответов от 1 до 2 баллов, и чуть большее от 3 до 5 (рис. 7). Принципиально иным образом распределяются голоса представителей РДШ. Среди них очень малая доля тех, кто сам считает, что не проявляет гражданскую активность (1 балл – 3,6%, 2 балла – 7,6%). Достаточно большая доля затруднилась ответить – 31%, а остальные оценивают уровень своей гражданской активности высоко: 4 балла – 35,5%, 5 баллов – 22,3% (рис. 7).

Если у школьников и студентов «пик» ответов приходится на 3 балла, то есть они затрудняются дать оценку уровню своей гражданской активности, то у представителей РДШ максимум голосов имеет позиция 4 балла – «испытывают желание и стараюсь проявлять гражданскую активность».

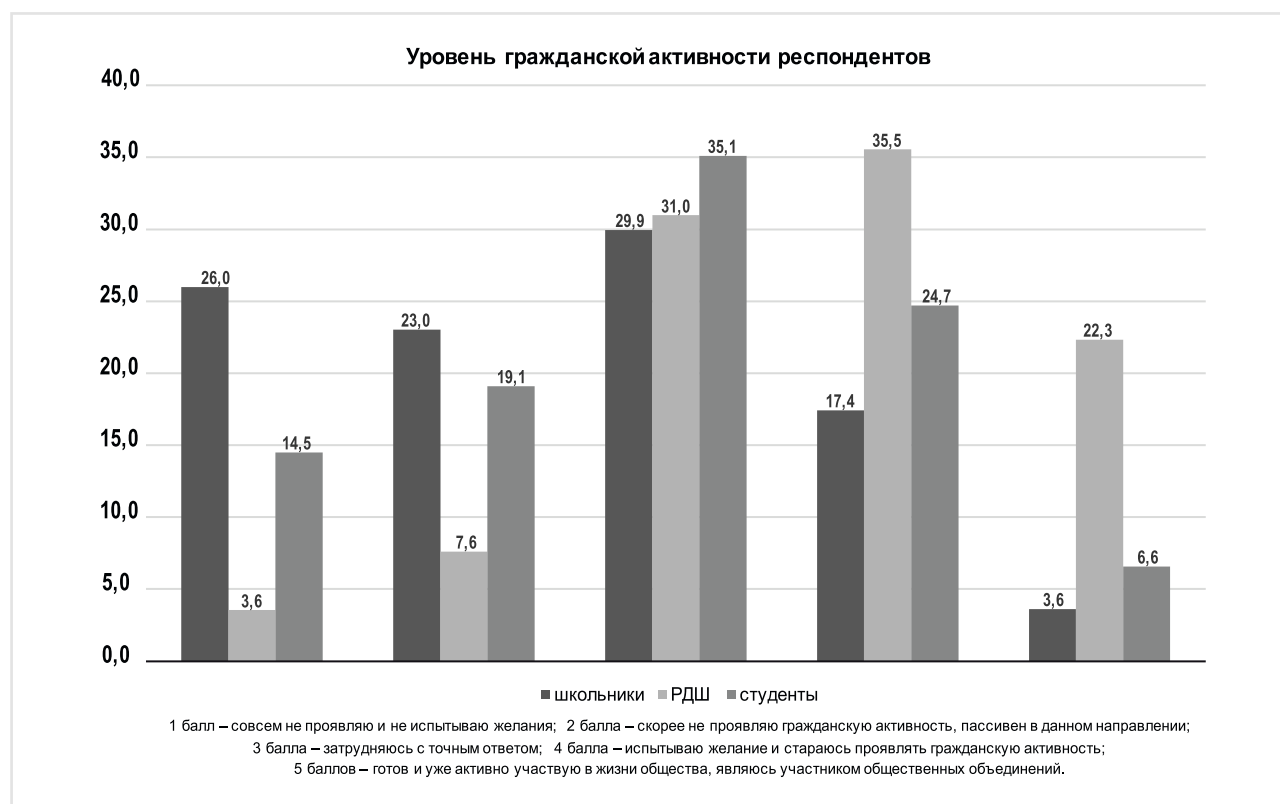

Рис. 7. Данные об уровне гражданской активности респондентов
Fig.7. Data on the level of civic activity of respondents

Оценка респондентами уровня гражданской активности их родителей и друзей показывает, что профиль ответов совпадает с профилем ответов при оценке собственной гражданской активности. «Пик» профиля ответов школьников и студентов приходится на 3 балла (о друзьях: школьники – 41,1%, студенты – 42,5%; о родителях: школьники – 35,2%, студенты – 35,6%), то есть респонденты затрудняются оценить степень их активности. Из ответов видно, что у друзей студентов уровень гражданской активности чуть выше, чем у друзей школьников, но в целом можно говорить о низком уровне гражданской активности друзей респондентов. При этом респонденты выше оценивают уровень гражданской активности своих родителей по сравнению с друзьями. В целом высокую активность проявляют не более 12% родителей респондентов, но в совокупности при суммировании ответов 4 и 5 баллов получается порядка 40%.

Иначе выглядят ответы представителей РДШ. «Пик» их ответов приходится на 4 балла и для родителей, и для друзей (о друзьях: 4 балла – 31,5%; о родителях: 4 балла – 36%), что говорит о том,

что «ближнее окружение» представителей РДШ проявляет большую активность, чем окружение обычных школьников и студентов.

Таким образом, представители РДШ по сравнению с другими респондентами проявляют повышенную гражданскую активность, что, скорее всего, обусловлено организационными возможностями самого движения, призванного создать условия для развития и реализации собственного потенциала участников, в том числе в рамках общественной деятельности.

Обсуждение и заключение. Результаты, полученные в исследовании, дают возможность подтвердить гипотезу о влиянии социального капитала на уровень гражданской активности молодежи. В частности радиус поля связей респондентов коррелирует с уровнем их гражданской активности: чем больше радиус общения, тем выше активность (табл. 2). При этом взаимосвязь ярче выражена с радиусом поля связи с агентами, которым респондент готов оказать помощь: так, чем больше радиус вектора личностной направленности в сторону внешней среды, тем выше уровень гражданской активности (табл. 3).

Таблица 2. Радиус поля связи с агентами, готовыми помочь респонденту
Table 2. Communication field radius with agents willing to help the respondent

Радиус поля связи с агентами, готовыми помочь респонденту (количество человек)	Уровень гражданской активности респондентов		
	школьники	РДШ	студенты
0	3,5	3,9	1
один	2,45	3,3	2,65
до 2	2,43	3,6	2,83
от 3 до 5	2,65	3,8	3,01
от 6 до 10	2,3	3,7	3,34

Таблица 3. Радиус поля связи с агентами, которым респондент готов оказать помощь
Table 3. Communication field radius with agents to whom the respondent is willing to help

Радиус поля связи с агентами, которым респондент готов оказать помощь (количество человек)	Уровень гражданской активности респондентов		
	школьники	РДШ	студенты
до 2	1,9	3,3	1
до 3	2,4	3,3	2,7
от 4 до 6	2,7	3,5	2,8
от 6 до 10	2,6	3,9	3,7
от 10 до 20	3,2	4,2	3,2
больше 20	2,9	3,9	3,6

Заметной связи среднего индекса уровня доверия респондентов с их гражданской активностью обнаружено не было. Коэффициент корреляции составил 0,2–0,3. Однако выявлена четкая связь между уровнями гражданской активности самих респондентов и их родителей и друзей. Коэффициенты корреляции представлены в табл. 4. Видно, что для школьников и студентов эта взаимосвязь сильная. При этом именно родителям

и близким друзьям респонденты оказывают максимальное доверие. Однако для представителей РДШ ситуация не выглядит так однозначно. Коэффициент корреляции уровней гражданской активности последних и их родителей не превышает 0,3. При этом среди всех респондентов именно представители РДШ показывают наименьший уровень доверия родителям и наибольший – государству.

Таблица 4. Коэффициент корреляции гражданской активности
Table 4. Correlation coefficient of civic activity

Респонденты		Школьники	РДШ	Студенты
Коэффициент корреляции	Гражданской активности респондента и его друзей	0,693	0,546	0,733
	Гражданской активности респондента и его родителей	0,568	0,289	0,615

Таким образом, можно сказать, что уровень гражданской активности молодых людей зависит от их окружения, и прямыми агентами, влияющими на формирование, в частности ценностных установок, оказываются именно представители «ближнего круга» и в первую очередь семья. При этом молодые люди, у которых сила связи с родителями ослаблена, в большей степени

подвержены влиянию общественных организаций, например, таких как РДШ. Выявление причин этого феномена нуждается в дополнительных исследованиях. Однако уже сейчас из данных проведенного исследования видно, что обычные школьники и студенты не обладают высоким уровнем гражданской активности, а проявляя ее, склонны участвовать в основном в благотвори-

тельности, социальных проектах и экоактивизме, не уделяя значимого внимания мероприятиям патриотической направленности. При этом представителям РДШ в большей степени свойственна патриотическая активность.

Все группы респондентов отметили, что такие ценности, как доброта, забота о людях, терпимость воспитываются в первую очередь семьей, а любовь к Родине – школой и общественными организациями. Это объясняет готовность представителей РДШ вкладывать свои усилия в развитие отечества, что сопровождается повышенным уровнем доверия к государству в целом.

Выводы. Таким образом, нам представляется, что анализ компонент социального капитала, таких как ценности, уровень доверия и сила связей с целью определения их влияния на развитие гражданской активности молодежи, является важной задачей. Результаты исследования позволяют определить несколько направлений, которые необходимо учитывать, создавая концепцию развития гражданской активности подрастающего поколения.

Во-первых, нужны механизмы включения молодежи в различные сообщества по решению общественно-значимых вопросов. Во-вторых, необходимо усиливать солидаристские ценности (доверие, поддержку и др.) в отношении этих сообществ (школы, общественных организаций).

В-третьих, важно направить усилия на формирование единой системы ценностей в молодежной среде, в которой значимое место занимали бы не только общечеловеческие ценности, но и патриотизм. Исследование показывает, что современная молодежь сосредоточена на решении собственных проблем, сконцентрирована на «ближнем круге», не склонна доверять людям в целом, испытывает дефицит солидаристических ценностей, концентрируясь на индивидуалистических интересах, что было подтверждено и другими исследованиями [20, с. 56; 21, с. 96], и это существенно препятствует их включению в гражданскую активность.

Мы считаем, что для формирования концепции развития гражданской активности молодежи важно учитывать полученные результаты и применять как сетевой, так и институциональный подходы. Укрепление доверия и выстраивание взаимовыгодных отношений между молодежью, школой и общественными организациями дает возможность развивать патриотизм молодого поколения. Однако общественные структуры не обладают достаточными ресурсами для этих процессов, поэтому важна роль государства, способного запустить целенаправленные программы по выстраиванию соответствующих систем взаимосвязи, аналогичных РДШ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. The scholastic point of view // *Cultural Anthropology*. 1990. Vol. 5. P. 380–391. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1990.5.4.02a00030>.
2. Coleman J. S., Hoffer T. B. *Public and private schools: the impact of communities*. New York, 1987. 254 p.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. Москва: АСТ: Хранитель, 2006. 730 с.
4. Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // *Connection*. 1999. Vol. 22, № 1. P. 28–51. P. 28–51.
5. Moore S., Daniel M., Paquet C., Dube L., Gauvin L. Association of individual network social capital with abdominal adiposity, overweight and obesity // *Journal of Public Health*. 2009. Vol. 31, № 1. P. 175–183. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdn104>.
6. Araujo L. M., Easton G. A relational resource perspective on social capital // *Corporate social capital and liability*. Dordrecht, 1999. P. 68–87.
7. Leenders R. Th. A. J., Gabbay S. M., Fiengenbaum A. Corporate social capital and the strategic management paradigm: a contingency view on organizational performance // *Research Report of University of Groningen, SOM Research Institute*. Groningen, 2001. P. 1–38.
8. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, № 2. P. 242–266.
9. Penning J. M., Lee K. Social capital of organization: conceptualization, level of analysis, and performance implication // *Corporate social capital and liability*. New York, 1999. P. 1–49.
10. Exploring positive relationships at work. Building a theoretical and research foundation / ed. by W. E. Baker, J. E. Dutton. London: Lawrence Erlbaum Assoc. Publ. 2007. P. 325–345.
11. Social Capital: global and local perspectives / ed. by J. Kujala, J. Simola. Helsinki: Gov. Inst. For Econ. Research, 2000. 187 p.
12. Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
13. Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. Москва: АСТ: Ермак, 2004. 474 с.
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. Москва: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

15. Narayan D. Bonds and bridges: social capital and poverty. [S. l.]: Poverty group, 1999. 54 p.
16. Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of democracy*. 1995. Vol. 6, №1. P. 67–73
17. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // *Социологические исследования*. 2006. №3. С. 29–39.
18. Гужавина Т. А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. №1. С. 37–54.
19. Гендугова М. Н. Социальный капитал как фактор формирования гражданственности молодежи // *Социология власти*. 2011. №4. С. 117–124.
20. Хрипкова Д. В., Начкебия М. С., Реутова М. Н., Хрипков К. А. Ценностные основания гражданской активности // *Научный результат. Социология и управление*. 2020. Т. 6, №4. С. 55–68.
21. Реутов Е. В. Социальная солидарность в установках и практиках населения // *Власть*. 2016. №4. С. 94–99.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Scholastic point of view. *Cultural Anthropology*, 1990, vol. 5, pp. 380–391. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1990.5.4.02a00030>.
2. Coleman J. S., Hoffer T. B. *Public and private schools: the impact of communities*. New York, 1987, 254 p.
3. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. *Fukuyama*. Moscow, AST, Keeper, 2006, 730 p. (In Russ.).
4. Lin N. Building a network theory of social capital. *Connection*, 1999, vol. 22, no. 1, pp. 28–51.
5. Moore S., Daniel M., Paquet S., Dube L., Govin L. Association of individual network social capital with abdominal obesity, overweight and obesity. *Journal of Public Health*, 2009, vol. 31, no. 1, pp. 175–183. DOI: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdn104>.
6. Araujo L. M., Easton G. Relational approach to social capital. *Corporate social capital and responsibility*. Dordrecht, 1999, pp. 68–87.
7. Leenders R. Th. A. J., Gabbay S. M., Fiegenbaum A. Corporate social capital and the strategic management paradigm: an unforeseen perspective on organizational performance. *Research report of University of Groningen, SOM Research Institute*. Groningen, 2001, pp. 1–38.
8. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and organizational advantage. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242–266. DOI: 10.2307/259373.
9. Penning J. M., Lee K. Social capital of the organization: conceptualization, level of analysis and impact on efficiency. *Corporate social capital and liability*. New York, 1998, pp. 43–67.
10. Dutton J. E., Ragins B. R. (eds.) Exploring positive relationships at work: building a theoretical and research foundation. London, Lawrence Erlbaum Assoc. Publ., 2007, 421 p.
11. Kajanoja J, Simpura J. (eds.) *Social capital: global and local perspectives*. Helsinki, Gov. Inst. For Econ. Research, 2000, 187 p.
12. Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and restoration of the American community*. New York, Simon & Schuster, 2000, 544 p.
13. Fukuyama F. *Great gap*. Moscow, AST, Ermak, 2004, 474 p. (In Russ.)
14. Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow, AST, Ermak, 2004, 730 p. (In Russ.)
15. Narayan D. Bonds and bridges: social capital and poverty. [S. l.], Poverty group, 1999, 52 p.
16. Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 1995, vol. 6, no. 1, pp. 67–78.
17. Macherinskene I., Minkute-Genrikson R. Simanavichene Zh. Social capital of the organization: research methodology. *Sociological research*, 2006, no. 3, pp. 29–39. (In Russ.)
18. Guzhavina T. A. Civic participation as an externality of poverty. *Sociological science and social practice*, 2019, no. 1, pp. 37–54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268>
19. Gendugova M. N. Social capital as a factor in the formation of youth citizenship. *Sociology of power*, 2011, no. 4, pp. 117–124. (In Russ.)
20. Khripkova D. V., Nachkebia M. S., Reutova M. N., Khripkov K. A. Value manifestations of social activity Scientific result. *Sociology and management. Scientific result. Sociology and management*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 55–68. (In Russ.)
21. Reutov E. V. Social solidarity in attitudes and practices of the population. *Power*, 2016, no. 4, pp. 94–99. (In Russ.)

Информация об авторе

Жарова Марина Владиславовна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления образованием и кадрового менеджмента Института экономики и управления, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 6, ауд. 35, e-mail: garova-m@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 05.05.2022

После доработки 18.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Information about the author

Marina V. Zharova – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Human Resources Management Education at Institute of Economics and Management, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University) (office 35, building 6, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191 186, Russian Federation, e-mail: garova-m@mail.ru).

The paper was submitted 05.05.2022

Received after reworking 18.05.2022

Accepted for publication 06.06.2022